

МОЯ ВОЙНА

То, о чем молчали

О Великой Отечественной войне написано бесчисленное количество книг - художественных, публицистических, научных. Особую ценность, конечно, представляют живые свидетельства конкретных участников тех событий. Однако чаще всего эти воспоминания оформлены в виде письменных мемуаров или отредактированных интервью. Под термином «отредактированные» понимается в том числе и своеобразная (иногда не совсем четко осознаваемая) самоцензура, которой руководствуется рассказчик, описывая те годы.

не было». Хвать, правда, офицера ведет. Он - русский. Спрашивает: «Откуда? Продажная шкура! Своих продаешь!» - [говорит] офицер этому дедушке [команданту]. «Поесть, - спрашиват [нас], - хочешь?». Немец несет уху. Мы поели. «Не ходите сейчас. Пойдите вечером по дороге. В краю леса остановитесь».

В итоге немецкий офицер не только отпустил беглецов, но и пошел с ними в качестве «языка»: «Отец у него в Первую мировую в плен попал. Мать немка, а отец русский, значит».

- Конечно, это единичный случай, - замечает по поводу приведенного текста Маина Чередникова. - Однако коллективный опыт наших рассказчиков - свидетельство того, как корректировалось в сознании простых крестьян представления о «своих» и «чужих» людях.

От злобы - к жалости

Не менее захватывающими воспоминаниями поделился Иван Казанцев из села Большая Кандарать. После тяжелого боя оставшиеся в живых из его роты выбрались из окружения.

«Я шел и дошел до омета. Вдруг гляжу - человек лежит, рука на сене раскинута.

Фашист! Рядом банка пустая и автомат. Жрал, наверное. Пьяный был. Что решать - думай! Или он нас, или мы его. Стрелять нельзя. Я вынул нож и... бросился на него. Не знаю, попал ли в сердце, но зеву [крикну] не было. Со злом воткнул. Автомат забрал. Спряталась и бежать дальше».

Составитель отмечает постепенную перемену в сознании солдат, которая происходила по мере того, как отступали немцы. Сначала убийство врача - это непреложная необходимость, от которой можно даже получать удовольствие: «В засаде мы сидели. А тут немцы идут. Мало их. Я прицелился - выстрелили. Гляжу - попал. В бою никакого удо-

вольствия: не знаешь, ты убил или другой. А тут - собственоручно». Такое отношение было оправдано зверствами самих фашистов.

Когда же наши солдаты находятся на территории Германии, их взгляд на это меняется: «Убивать, знаешь, жалко. У них ведь, как у нас: дом, семья, дети. И дом их недалеко. «Ну, идите, черт с вами!» [отпускает пленных немцев]».

«Женское лицо» войны

Свой взгляд на войну - у женщин, участвовавших в военных действиях. Например, Анастасия Бутяшина из Большой Кандарати помогала врачам во фронтовом госпитале. Каждый ее рассказ - словно небольшое стихотворение в прозе: она умеет так подобрать детали и описать их таким языком, что записанные от нее тексты начинают восприниматься как художественное произведение.

«Когда мы в Даувице стояли, халаты нам дали шелковые, кремовые. Мы этого не видали [т.е. это было в диковинку]. Глаза вытаращили все. Первый раз одели - надо же стирать его. Он [врач] говорит: «Стирай мне халат». Выстирала, высушила. «А гладить?» - «Есть, товарищ командир!». Утюга нет. Без утюга буду гладить. А как?

А так. Складываю его. Бока отглаживаю своим телом. А потом - перед. Обратно меня - балдой [командир так ласково называл свою помощницу]. «Где ж ты утюг взяла, балда ты, балда?» - «Вот мой утюг - спина».

Также рассказчица описала другой случай, который потрясает любого - даже равнодушного читателя и собеседника.

«Привезли тяжело раненного лейтенанта, за которым Бутяшина следила, меняя ему повязки. Около няя сижу. А он поворачивает глаза и мне так говорит: «Сестра, расс tegnите пуговку на вашем халате. Я так

давно не видел женскую грудь». А потом <...> он дает мне фотографию свою семейную. Сама [жена] хорошая и дети хорошие: одному, наверное, годиков пять, а второй постарше. А он мне: «А

я не умру?» - «Нет, почему это вы умрете? Мы вам все прекрасно сделали [операцию], хорошо». Мне чаво тут говорить?

А у няя кишечник забила пуля, порвал кишечник. Хирург, когда пошел, говорит мне: «Когда будет икать, мне сообщите». И во сколько? Не помню, были у нас часы, - он стал икать. Так сердце заволновалось: такой человек уходит хороший. Похоронили яво, был Красный Бор, лесок. У елочки склонили».

Хуже только на войне

Во второй части сборника представлены воспоминания тех, кто выживал в военное время в тылу. Приводятся не только рассказы о тяжести голода и смерти самых близких и беззащитных. Также раскрываются те непривычные моменты, о которых долгое время было не принято говорить.

К примеру, тяжким испытанием во время войны были сборы налогов. Иногда советские сборщики налогов действовали весьма жестко.

«Вот они приходят собирать налог. А тогда сто рублей брали [а у рассказчицы вообще нечем платить]. Он прыгал, прыгал надо мной [куражился], вышли ко двору: «Давай свяжем ей руки назад и боталу привяжем, и будет стукать, и поведем ее». А люди будут спрашивать: «За что ведете?». А мы будем говорить: «Налог не платят».

Отом, что налогники выносили все подчистую из избы, упоминали многие информанты. Но самым страшным, конечно, была смерть детей.

«Запру [ребенка] да в лес поеду. Выезжаю. Окошки были маленькие: жив ли? Нет ли? Жив! Жив! Слава Богу, мелькает в окошке [видит маленького сына, когда возвращается из леса]. Он обоссаный, мокрый, как кочка, холодный. Родила - стала двое [детей]. Ни отходу, ни отъезду. Картошку по полям гнилую, просо ручками собирали... Соберешь на кашку, натолчешь и - покормишь. И оба [ребенка] померли. И склонила во время войны...».

Странно добавить, что «Моя война» издана по решению НИИ истории и культуры Ульяновской области. Эту книгу, материал для которой собирался не одно десятилетие, можно рекомендовать всем читателям, желающим узнать о войне без цензуры. О войне во всем ее живом и страшном многообразии - той эпохе, о которой совсем скоро уже некому будет утно рассказать.

Евгений Сафонов

В 2015 году в Ульяновске вышел во многом уникальный для России сборник - «Моя война: устные рассказы о Великой Отечественной войне». Основа этой книги - тексты, зафиксированные во время фольклорно-этнографических экспедиций УлГПУ в 1980-2000-х годах. Уникальность книги состоит в том, что в ней собраны записанные на аудиосоноситель и дословно расшифрованные рассказы более ста жителей Ульяновской области - свидетелей военного лихолетья.

Общение «без боязни»

- Название сборника определяет то, что у каждого рассказчика, будь это мужчина или женщина, сохранилась личная память о войне, свое, субъективное понимание людей и событий, - отмечает в предисловии составитель и автор комментариев - доктор филологических наук, фольклорист и литературовед Майна Чередникова.

По ее словам, на устные рассказы о войне исследователи обратили внимание давно - еще в 1940-е годы. Однако в печать шли ограниченные по тематике («победные»), подвергшиеся цензурной и редакторской правке тексты. В то же время сами фронтовики, рассказывая о войне, например, на День Победы в сельском клубе или во время специальных уроков в школе, вынуждены были подчиняться требованиям идеологии. Нередко такое общение трансформировалось в официальный ритуал, во время которого тщательно выбиралось то, о чем можно говорить и о чем лучше умолчать.

И лишь в 1960-1980-е годы происходит своеобразный перелом как в научной оценке устных рас-

сказов о войне, так и в среде самих «носителей» этой памяти.

- Только в конце 1980-х годов создалась та обстановка взаимного доверия, при которой наши рассказчики без боязни общались с нами и не обращали внимания на диктофон, - констатирует составитель «Моей войны».

О войне - без цензуры

Упомянутая книга состоит из двух частей. В первую представлена рассказы фронтовиков, вторая посвящена описанию жизни в тылу. Для облегчения восприятия каждый текст сборника имеет лаконичное название, помогающее читателю понять, о чем там говорится.

Далее - чтобы, так сказать, почувствовать «вкус» устной истории - мы приведем несколько наиболее ярких текстов, опубликованных в первой части сборника.

Федор Заплаткин из села Потьма (Карсунский район) вспомнил о том, как под Харьковом его контузило, и он попал в плен. Решили бежать.

«Ну, тут выручила с Сурского женщина. Собрались уходить (*т.е. бежать из плена. - Ред.*). Надели [женские] платья. Я да еще один. Лопатки взяли. Старичок нам говорит: «Идите дорогой, как женщины». Нам бритву дали. Идем - и тут немцы. «Здорово, Полянка!» - немцы говорят [приняли за женщин]. <...> «Женщины», - говорят».

Переодетые в женское платье беглецы добрались неизвестными до села Федоровка. Решили там переночевать у одной старушки, но та их предала - привела старика-команданта.

«Это что? Партизаны?» - и ушел. Ну, думако: «Бежать? Как бы хуже